

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г85

Серия «Гришэм: лучшие детективы»

John Grisham

THE RECKONING

Перевод с английского *А.А. Соколова*

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева*

Студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения литературных агентств
The Gernet Company и Andrew Nurnberg.

Гришэм, Джон.

Г85   Расплата : [роман] / Джон Гришэм ; [перевод с
английского А. А. Соколова]. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 448 с. — (Гришэм: лучшие детективы).

ISBN 978-5-17-117320-3

Миссисипи, 1946 год.

Пит Бэннинг был героем городка Клэнтон, идеальным южанином — ветераном войны, верным мужем, любящим отцом двоих детей, верующим христианином, преуспевающим фермером, добрым соседом.

Но однажды осенним утром Пит Бэннинг встал пораньше, приехал в город... и хладнокровно убил приходского священника Декстера Белла. И единственное, что он говорит на допросах в полиции и своему адвокату: «Мне нечего сказать».

Защитник Бэннинга понимает: ветеран действительно готов скорее отправиться на электрический стул, чем объяснить причину, толкнувшую его на преступление. И единственный шанс спасти клиента от казни — самому выяснить, что заставило его совершить ужасный поступок...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Belfry Holdings, Inc, 2018

© Перевод. А.А. Соколов, 2019

ISBN 978-5-17-117320-3

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Часть 1

УБИЙСТВО

Глава 1

Холодным утром в начале октября 1946 года Пит Бэннинг проснулся до рассвета и больше не помышлял о сне. Лежал на кровати, смотрел в темный потолок и в тысячный раз задавал себе вопрос: хватит ли у него храбрости? И, в конце концов, при первых проблесках наступающего дня выглянул в окно и признал мрачную реальность: настало время убить. Понимание этого стало настолько всепоглощающим, что он не мог продолжать заниматься повседневными делами. И пока не сумеет выполнить задуманное, он не сможет оставаться прежним. План был простым, но в голове никак не укладывался. Последствия его поступка будут сказываться десятилетиями и повлияют на судьбу многих из тех, кого Пит любит, и тех, кого нет. Дурная слава превратится в легенду, хотя ему никакая слава не нужна. Такова его натура — он не хотел привлекать к себе внимания, но такое невозможно. У него нет выбора. Истина постепенно прояснялась, и когда стала очевидной, убийство, подобно восходу солнца, превратилось в неизбежность.

Пит, как обычно, медленно оделся — израненные на войне ноги после сна болели — и двинулся через темный дом в кухню, где включил тусклый свет и заварил кофе. И пока напиток закипал, неподвижно стоял у стола, за которым завтракал, слегка согнув колени и сцепив на затылке руки. Морщился, чувствуя, как боль отдается из

бедер в лодыжки, но в течение десяти секунд не менял позы. Расслабился и, повторяя движения еще и еще, с каждым разом приседал все ниже. В его левой ноге был металлический стержень, в правой — шрапнель.

Пит налил кофе, добавил молоко и сахар, вышел на заднее крыльцо и остановился. На востоке поднималось солнце, и его желтоватый свет ложился на море белого. Поля налились хлопком, казавшимся выпавшим снегом. В другой день Пит улыбнулся бы — обильный будет урожай. Но сегодня улыбок не будет, одни слезы, много слез. Избежать убийства стало бы трусостью, а это понятие ему незнакомо. Пит пригубил кофе и, полюбовавшись пейзажем, будто ощутил поддержку от спокойствия земли. Бэннинги более ста лет владели лежавшими под белым покровом пластами плодородной почвы. Власти заберут его отсюда и, вероятно, казнят, а вот земля будет существовать вечно и поддержит семью.

Очнулся от дремы Мак, его енотовидная гончая, и вышел к нему на крыльцо. Пит заговорил с ним и потрепал по голове.

Коробочки с хлопком лопались, и вскоре бригады рабочих погрузятся в фургоны и отправятся на дальние поля. Мальчишкой Пит ездил в фургоне вместе с неграми и по двенадцать часов в сутки таскал мешки с хлопком. Бэннинги были фермерами и землевладельцами, но в то же время работягами, а не новоявленными плантаторами, чью сладкую жизнь обеспечивал пот других.

Пит сделал глоток кофе, глядя, как светлеет небо и белеет падающий на землю снег. Между сараем для скота и птичником слышались голоса готовившихся к новому трудовому дню негров. Этих мужчин и женщин он знал всю жизнь — беднейшие крестьяне, чьи предки сто лет обрабатывали эту землю. Что с ними станет после убийства? Ничего особенного. Они выживают, довольствуясь самой малостью, и ничего другого не знают. Завтра соберутся в то же время, в том же месте в пораженном

молчании, пошепчутся над костром, безусловно, встревоженные, однако готовые выполнять работу и получать зарплату. На урожай ничто не повлияет; обильный, он будет вызревать, как положено.

Пит допил кофе, поставил чашку на перила крыльца и закурил. Он думал о детях. Старший сын Джоэл учился в Вандербилтском университете, Стелла была второкурсницей в Холлинзе, и Пит радовался, что они далеко. Он почти ощущал, как дети испугаются и смутятся оттого, что их отца посадят в тюрьму. Но не сомневался, что они, как и крестьяне, выживут. Дети были умны, хорошо приспособлены, и земля останется с ними. Они завершат образование, вступят в удачный брак и во всем преуспеют.

Продолжая курить, Пит взял чашку, вернулся в кухню и шагнул к телефону, чтобы позвонить сестре Флоренс. Наступила среда, день, когда они встречались за завтраком, и Пит сообщил, что скоро появится. Он вылил остатки кофе, опять закурил и снял с крюка у двери рабочую куртку. С Маком пересек задний двор и вышел на тропу в огород, где Нинева и Эймос в изобилии выращивали овощи, которые кормили и Бэннингов, и тех, кто от них зависел. Миновал скотный двор и услышал, как Эймос, готовясь доить коров, разговаривает с ними. Пожелал ему доброго утра, и они обсудили, какого борова выбрать для субботнего потрошения.

Пит шел, не хромя, хотя ноги болели. Под навесом для тракторов негры, попивая кофе и болтая, собрались у ямы с костром. Увидев его, замолчали. Некоторые поздоровались: «Доброе утро, мистер Бэннинг», и он заговорил с ними. Мужчины были в старых, грязных комбинезонах, женщины — в длинных платьях и соломенных шляпах. Обувь никто не носил. Дети и подростки с заспанными глазами и унылыми лицами сжались под одеялами и с ужасом думали об очередном дне на уборке хлопка.

На земле Бэннинга работала школа, которая появилась благодаря щедрости богатого еврея из Чикаго, отец Пита тоже внес вклад в ее строительство, следя за расходом средств. Бэннинги настаивали, чтобы все дети цветных на их территории оканчивали хотя бы восемь классов. Но в октябре, когда самым главным был сбор урожая, школу закрывали, а учеников посылали на поля.

Пит пообщался со своим белым мастером Бафордом. Они обсудили погоду и сколько тонн хлопка удалось собрать накануне, его цену на торговой бирже в Мемфисе. В разгар уборочной страды рук всегда не хватало, и Бафорд ждал грузовик с белыми рабочими из Тупело. Он рассчитывал на них еще вчера, однако они не прибыли. Прошел слух, будто фермер в двух милях от них предложил на пять центов больше за фунт, но такие разговоры постоянно велись во время сборки урожая. Бригады работали день хорошо, на следующий год исчезали, а затем возвращались, взвинтив цену. У негров не было преимуществ предлагать себя по всей округе, и Бэннинги славились тем, что платили всем одинаковое вознаграждение.

«Ожили» два трактора, и работники погрузились в фургон. Пит смотрел им вслед, когда они, раскачиваясь, удалялись, пока не скрылись за снегопадом.

Пит снова закурил, прошел под навесом и оказался на грязной дороге. Флорри жила в миле отсюда, на своей земле, и теперь Пит ходил туда пешком. Болезненное путешествие, но врачи рекомендовали долгие прогулки, чтобы тренировать ноги в надежде, что боль когда-нибудь стихнет. Пит в этом сомневался и смирился с мыслью, что ноги до конца жизни будут жечь и изводить болью. Хорошо уже то, что он жив. Однажды его признали мертвым, и сейчас Пит действительно был близок к концу, так что теперь должен считать каждый день подарком.

До нынешнего момента. Сегодняшний день станет последним днем той жизни, которую он знал. И Пит это принял, потому что выбора не было.

Флорри жила в красном коттедже, Пит построил его после того, как, оставив им землю, умерла их мать. Флорри была поэтессой и нисколько не вникала в фермерское дело, зато живо интересовалась доходом, который оно приносило. Ее шестьсот сорок акров были такими же плодородными, и она сдала их Питу за половину выручки. Соглашение заключили на словах, но, основанное на доверии, оно было таким же надежным, как если бы его скрепили подписями на бумаге.

Когда Пит пришел, Флорри находилась на заднем дворе у сетки с птицами — кормила и разговаривала со своими попугаями и туканами. В отдельном закутке сидели цыплята. Два золотистых ретривера лежали на траве и наблюдали за кормежкой — их не волновали экзотические пернатые. Как и кошки в доме, на которых они не смотрели.

Пит указал место на крыльце, чтобы Мак остался там, а не заходил внутрь. Мариэтта хлопотала в кухне, и в доме витал аромат бекона и кукурузных лепешек. Пит поздоровался и сел за стол. Она налила ему кофе и принялась читать утреннюю газету Тупело. На старой фотографии в гостиной певица сопрано выступала в обстановке жуткой бедноты. Пит порой задавал себе вопрос: сколько еще людей слушали оперу в округе Форд?

Закончив возиться с птицами, Флорри вошла в заднюю дверь, пожелала брату доброго утра и села напротив. Ни объятий, ни ласк. Все, кто знал Бэннингов, считали их холодными, сухими, лишенными теплоты, редко проявляющими эмоции. И это было правдой. Однако подобное поведение было не намеренным — просто их так воспитали.

Флорри было сорок восемь лет. В молодости она вышла замуж, но брак оказался неудачным и продолжался недолго. В округе было немного разведенных женщин, и на нее смотрели, как на чем-то ущербную и даже, не исключено, безнравственную. Ей было безразлично. Флорри не могла похвастаться обилием знакомых и редко покидала поместье. За спиной ее называли Птичьей госпожой и, надо заметить, без сочувствия.

Мариэтта пожарила им толстые омлеты с помидорами и шпинатом и подала с кукурузными лепешками в масле, беконом и земляничным джемом. Кроме кофе, сахара и соли, все было с огорода.

— Вчера я получила письмо от Стеллы, — сообщила Флорри. — У нее все хорошо, хотя трудно даются интегралы. В отличие от меня она больше любит литературу и историю.

Детям Пита полагалось писать тетке по письму в неделю, а та посылала им не менее двух. Сам Пит не любил писать и не требовал, чтобы отпрыски особенно старались, но переписка с теткой стала для них строгим правилом.

— Ничего не получила от Джоэла, — пожаловалась Флорри.

— Вероятно, занят, — произнес Пит, переворачивая страницу газеты. — Он все еще встречается с той девушкой?

— Похоже. Но ему слишком рано думать о любви. Объясни ему, Пит.

— Он не слушает. — Пит положил в рот кусок омлета. — Единственно чего хочу, чтобы он скорее получил диплом. Устал платить за обучение.

— Надеюсь, сбор хлопка идет хорошо?

— Могло быть лучше. И цена вчера снова упала. Слишком обильный в этом году урожай.

— Цена скачет то вверх, то вниз. Когда высокая, не хватает хлопка, когда низкая — переизбыток. Плохо и то, и другое.

— Возможно.

Пит обдумывал, не предупредить ли сестру, что́ их ждет. Но она неправильно поймет, примется умолять отказаться от своего намерения, устроит истерику, они подерутся, чего не случилось уже несколько лет. Убийство кардинально изменит ее жизнь, и с одной стороны, он жалел Флорри и считал, что нужно все объяснить. Но с другой — понимал, что объяснить невозможно и никакая попытка не послужит благородной цели.

Трудно было осознать, что, наверное, они в последний раз завтракают вместе, но в это утро Пит делал многое в последний раз.

Им полагалось обсудить погоду, и разговор продолжался несколько минут. Согласно календарю, следующие две недели должны быть прохладными и сухими — идеальная погода для сбора хлопка. Пит выразил прежнюю озабоченность по поводу нехватки полевых рабочих, но сестра напомнила ему, что во время каждой уборочной страды это постоянная жалоба. Только на прошлой неделе Пит сетовал на отсутствие временных работников.

Во время войны Пит наголодался и знал, как мало требуется телу, чтобы выжить. Благодаря худобе уменьшалась нагрузка на ноги. Пит прожевал кусок бекона, сделал глоток кофе и, слушая рассуждения Флорри по поводу смерти двоюродного брата, который, по ее мнению, в свои девяносто лет ушел безвременно, перевернул очередную газетную страницу. Смерть буквально витала в его голове, и он попытался представить, что́ в ближайшие дни о нем напишет газета Тупело. Появятся статьи, непременно появятся, но он не хотел обращать на себя внимание. Однако с этим ничего не поделать, и он боялся сенсационности.

— Ты плохо ешь, — заметила сестра. — И, по-моему, похудел.

— Нет аппетита, — ответил Пит.

- Наверное, много куришь?
- Столько, сколько хочу.

Питу было сорок три года, но, по мнению сестры, он выглядел старше. Его густые темные волосы на висках поседели, лоб избородили длинные морщины. Ушедший на войну бравый солдат слишком быстро старел. Давили груз и память, но Пит хранил их в себе. Пережитый ужас нельзя обсуждать, во всяком случае, он этого делать не станет.

Раз в месяц Пит принуждал себя справляться о поэтическом творчестве сестры. За последние десять лет какие-то малоизвестные литературные журналы напечатали несколько ее стихотворений. Но, несмотря на отсутствие успеха, она больше всего любила изводить брата, его детей и узкий круг приятелей разговорами о своих последних достижениях. Бесконечно рассуждала о своих «планах» или об издателях, которым нравится ее творчество, но они не могут найти место для ее стихов, о том, сколько писем она получает от поклонников со всего света. Но почитателей Флоренс было отнюдь не так много, как она воображала, и Пит подозревал, что пришедшее три года назад из Новой Зеландии от какой-то потерянной души письмо было единственным с иностранной маркой.

Пит не читал стихов и после того как был вынужден познакомиться с творениями сестры, поклялся, что больше не прочитает ни одного. Он предпочитал прозу, особенно авторов с Юга, например, Уильяма Фолкнера, с которым однажды повстречался на коктейле в Оксфорде.

Но этим утром было не до поэзии — ему предстояло страшное дело, причем то, какое нельзя ни отменить, ни отложить.

Пит отодвинул тарелку с недоеденным омлетом и допил кофе. Бросил: «Все было очень вкусно», поблагодарил Мариэтту, надел рабочую куртку и вышел из дома.

Мак ждал на ступенях. Флорри попрощалась с крыльца, он ответил, не оборачиваясь.

Снова оказавшись на грязной дороге, Пит зашагал шире, разгоняя накопившуюся после получасового сидения скованность. Солнце поднялось и сушило росу, и клонившиеся нагибающихся стеблях коробочки с хлопком будто молили, чтобы их сорвали. Пит шел один — человек, дни которого теперь были сочтены.

Нинева была в кухне, тушила на газовой плите для консервов последние помидоры. Пит налил себе свежего кофе, направился в кабинет и, сев за стол, принялся приводить в порядок бумаги. Все счета были оплачены. Баланс на банковских счетах между приходом и расходом в норме, денег достаточно. Пит написал жене письмо на одной странице, вывел на конверте адрес и приклеил марку. Положил чековую книжку и кое-какие документы в портфель и поставил рядом со столом. Из нижнего ящика достал «Кольт» сорок пятого калибра, проверил, все ли шесть камер в барабане заряжены, и засунул в карман рабочей куртки.

В восемь часов Пит сказал Ниневе, что собирается в город, и спросил, не нужно ли ей чего-нибудь. Она ответила, что нет, и он в сопровождении Мака спустился с крыльца. Открыл дверцу своего нового «Форда» 1946 года. Мак прыгнул на сиденье с пассажирской стороны — пес редко упускал возможность прокатиться в город, и теперь все будет как всегда, по крайней мере для собаки.

Родители Пита построили свой замечательный дом в колониальном стиле до банкротства в 1929 году, и теперь он значился под номером 18 на шоссе к югу от Клэнтон. Дорогу окружного значения замостили год назад на послевоенные федеральные средства. Соседи полагали, что это произошло благодаря влиянию Пита, но это было не так.

Дом Бэннингов отстоял от Клэнтон на четыре мили, и Пит вел автомобиль, как всегда, медленно. Движение

на шоссе не было, если не считать груженных хлопком запряженных мулами случайных повозок. Немногие, вроде Пита, крупные фермеры владели тракторами, и большинство работ во время вспашки и посевной выполняли мулы. Так же и на сборе урожая. «Джон Дир»* и международные корпорации по выпуску сельхозтехники пытались привить машинные способы уборки, которые со временем исключат ручной труд на полях, но у Пита на сей счет возникали сомнения. Не то чтобы они что-либо значили. Сейчас не значило вообще ничего, кроме того, что ему предстояло выполнить.

Хлопок с проезжавших повозок испестрил обочины дороги. Два болтавшихся у колеи на поле сонных цветных паренках помахали ему руками — узнали один из двух новых «фордов» в округе. Пит их не узнал, закурил и, въезжая в город, что-то сказал Маку.

Неподалеку от площади, где располагалось здание суда, он остановился напротив почты и смотрел на снующих пешеходов. Опасался столкнуться с теми, кто знал его или кого знал он, поскольку после события свидетели будут давать банальные показания вроде: «Я его встретил, у него был совершенно нормальный вид», в то время как другие заявят: «Столкнулся с ним у почты, он был в полном раздрае». После трагедии всякий, кто прикоснется к событию, станет преувеличивать свое участие и значимость.

Пит вылез из машины, подошел к почтовому ящику и опустил в него письмо жене. Отъезжая, обогнул здание суда с окнами от пола до крыши и тенистым газоном и смутно представил, каким будет его процесс. Наденут ли на него наручники? Проявят ли судьи сочувствие? Совершат ли адвокаты чудо и сумеют ли его спасти? Слишком много вопросов, на которые нет ответов. Пит миновал чайную, где каждое утро юристы и банковские служащие

---

* Американская компания по производству тракторов и комбайнов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

разглагольствовали за чашками с обжигающим кофе с печеньем, и попытался вообразить, что они станут говорить об убийстве. Сам он не ходил в чайную, поскольку был фермером и не имел времени для праздных бесед.

Пусть болтают! В том, что собирался совершить, Пит не ждал сочувствия ни от них, ни от кого-либо другого в округе. Сочувствие его не волновало, он не искал понимания и не собирался ничего объяснять. В данный момент ощущал себя солдатом, обязанным выполнить приказ.

Пит припарковался на улице в квартале от методистской церкви. Вылез из машины, мгновение раминал ноги, застегнул на «молнию» куртку, сказал Маку, что скоро вернется, и направился к церкви, которую семьдесят лет назад помогал строить его дед. Путь недолгий, и по дороге он никого не встретил. Значит, некому будет потом заявлять, будто видел Пита Бэннинга.

Преподобный Декстер Белл начал служить в методистской церкви Клэнтоне за три месяца до Перл-Харбора. В его послужном списке это был третий приход. Если бы не война, он, как принято у методистов, через два-три года получил бы назначение в другой храм. Но нехватка кадров путала все. Методистские священники служили в одном приходе два, от силы три года, затем их переводили в новый. Преподобный Белл оставался в Клэнтоне пять лет и понимал: вопрос перевода — дело времени. К несчастью, он не успел получить его.

Как всегда утром по средам, священник сидел в своем кабинете в помещении за красивым алтарем. Церковный секретарь работал лишь три раза в неделю во второй половине дня. Преподобный завершил утренние молитвы, открыл на столе Библию и два справочника и планировал следующую службу, когда в дверь постучали. Прежде чем он успел ответить, створка распахнулась, и в комнату решительно вошел хмурый Пит Бэннинг.